

БИЧ

Кукареканье петуха на первых нотах стало хриловатым. Всего несколько дней назад Вовка не замечал этого, а просыпался он, как говорят, с первыми петухами. Выходил на улицу, окунал голову в бочку с водой, которая стояла возле колодца в огороде, и окончательно просыпался. В это время баба Агния, подоив корову, уже несла огромное ведро, до краев заполненное парным молоком, а Вовка ловким движением сдергивал с гвоздя дядю большую фронтонную алюминиевую кружку и запускал ее в ведро. Теплое молоко небольшими глотками отправлялось внутрь, а не успевшее проглотиться струйками стекало по подбородку и, щекоча, заползало под майку. Бабушка ласково говорила:

— Вовка, дай я хоть ведро-то поставлю! Ты прям как теленок маленький, нетерпеливый!

Но он, допив молоко и водрузив на место кружку, уже снимал персональный бич с забора и шел в загон выгонять корову Зорьку, чтобы отвести на гору в стадо. Эту обязанность он принял на себя самостоятельно и исполнял ее ежедневно: утром отгонял Зорьку, вечером встречал. Там же он познакомился с деревенскими пацанами, и ему нравилось, как они ловко шелкали бичами.

У каждого был свой бич и свой «шелк»: у одного резкий и короткий, у другого продолжительный и глухой, а у кого-то с оттяжкой! Вовка тоже хотел научиться этому, и тогда дед сплел ему бич, вырезав из ветки черемухи удобную короткую ручку, увенчав ее кожаным набалдашником.

И началась Вовкина учеба «бичевания».

Но все оказалось не так просто как виделось со стороны.

Бич не подчинялся.

После первого «молодецкого» взмаха, получив приличный хлест от плеча до места ниже поясницы, через всю спину, Вовка отбросил рукоять и отскочил в сторону. А бич, как живой, еще некоторое время извивался в дорожной пыли, как бы стараясь доползти до него, а может, Вовке это и показалось, и слезы предательски выкатились на щеки.

Растерев влагу на лице пыльной ладошкой, он медленно двинулся к бичу:

— Ничего! Ничего, я тебя одолею, приручу...

Второй хлест с шипящим свистом снес с его головы фуражку, и бич опять еще некоторое время извивался в пыли. Фуражка, называемая «сталинка», корчилась от боли в кустах крапивы. Петух, приоткрыв клюв, как бы улыбаясь, и наклонив голову набок, казалось, с любопытством и иронией наблюдал в сторонке за Вовкиными «танцами», возможно даже и изучал некоторые его движения и выпады. Вовка погрозил ему кулаком. Услышав сзади смех, он обернулся. К нему подходил дед:

— Ты, казак, с бичом-то поговори, подружись, а то он так тебе полосок на спине нарисует, тельняшки не надо будет. Че ж ты им как палкой-то машешь, он же — би-и-ч. Ненароком и без глазу оставить может.

«Без глазу» Вовке оставаться нисколько не хотелось. Дня три он таскал бич, перекинув его через плечо, и присматривался к деревенским пацанам, изучал, как они держали свои бичи, как взмахивали, как подрезали, и откуда получался шелк.

Пацаны Вовкин бич оценили в первый же день и, уважительно поглаживая рукоятьку, сказали:

— Да, дед Вася, молодец!.. Он умеет здоровские бичи плести.

Потом они показали Вовке свои навыки обращения с бичами, пощелкали Вовкиным бичом, шелк получался отменный. После их обучения и у Вовки стал получаться отличный шелк.

Это было давненько, недели три назад. А сегодня он почувствовал, что по утрам стало немного прохладней, появились капли росы, туманная влажность висела в воздухе.

«Вот оно, отчего петух захрипел на первом «Ку»! — подумал Вовка.

Бич тоже был немного влажноват. Но это было не важно, важно было то, что приближалась осень, заканчивались каникулы. Вовка аккуратно снял бич с плетня, немного стер с него влагу о полу рубахи, затем с деловым видом вывел за рог из хлева Зорьку и погнал ее привычной дорогой к стаду.

Каникулы, как сладкое холодное мороженное: ждали долго, закончились быстро, но вкус еще остался.

Прощание с деревней в последние дни каникул были бурные: деревенские друзья с удочками, ежедневно, с первыми петухами уже стояли у калитки их дома. Зорьку в стадо последнюю неделю отводила мать, а Вовка выскакивал к друзьям и они неслись к реке на рыбалку. Ерш клевал отменный!.. Жирный и большой, хоть и сопливый. А еще чебак и подязок! Завтрак семье был обеспечен, а иногда и обед тоже.

А после рыбалки они, вооруженные рогатками, окружали деревенские конюшни и стреляли по воробьям, так, для развлечения, или совершали коллективные набеги на кукурузные и гороховые поля, пакостить не пакостили, но наедались до «отвала». Потом, всей ватагой, они лежали на взгорке и смотрели на широкую Обь...

Вечером перед отъездом собралась вся родня. Мужики все время о чем-то разговаривали с отцом, женщины пели песни, ребятя, человек двадцать, а может больше, все двоюродные и троюродные братья и сестры играли то в лапту, то в казаков-разбойников, благо спрятаться было где.

...Петух стоял на изгороди и, казалось, с достоинством и внутренней радостью посматривал в Вовкину сторону, как бы зная, что завтра тот уедет, а он опять станет главным на этом дворе...

ЗАКОНЧИЛИСЬ КАНИКУЛЫ

Скоро летний отдых станет далеким воспоминанием. И первое время по утрам, дома в Норильске, будет казаться, что еще можно немного понежиться, отворачиваясь от теплых и ярких лучей солнца, проникающих сквозь щелки между шторами и заставляющих открывать сонные глаза. Но «Пионерская зорька» из радио звонким веселым голосом взбодрит, вытащит из кровати, поставит на ноги и заставит делать зарядку. До школы оставалось несколько дней, а до отъезда из деревни всего-то ночь.

«Все, закончились каникулы. Вроде бы совсем недавно только приехали, а завтра утром уже — ту-ту. На поезд, самолет... Интересно, а пацаны уже приехали или нет? Несколько дней еще поносимся по городу до школы!» — уже засыпая, думал Вовка.

Утром следующего дня Вовка по привычке выскочил в огород умыться в бочке с водой. Колодезная вода в ней была прохладной, немного нагревшись днем, за ночь она сильно остывала, на траве и листьях на огуречной грядке и ягодных кустарниках блестели капли росы, и утреннее солнце уже не так грело как летом. С реки тянуло влажной прохладой и уже не было того желания, как утренним летом, бегом пробежаться по теплой мягкой траве до реки и, держась за лодку окунуться с головой. В последние две недели лета были тоже свои приятные моменты, особенно отсутствие комаров и заметное уменьшение количества слепней и оводов, которые два первых летних месяца просто доставали своим присутствием и активностью. И вот сегодня это все будет уходить в прошлое и становиться воспоминанием, по мере того как сначала автобус с каждой минутой, с каждым километром, потом поезд и самолет увезут их на расстояние в три тысячи километров отсюда.

Но там тоже не очень плохо, в Норильске, который Вовке уже стал родным и близким.

Деревенские пацаны, ставшие ему за короткое лето друзьями, пришли проводить Вовку; некоторые по-деловому попрощавшись, степенно стояли в сторонке держа руки в карманах, трое на велосипедах какое-то время сопровождали автобус, медленнодвигающийся по деревенской улице, оставляя за собой клубы выхлопных газов и пыли.

Всю дорогу до Барнаула Вовка смотрел в окно, мимо мелькали березовые околки, а на полях с созревшей пшеницей и кукурузой полным ходом шла уборка урожая; кое-где поля уже чернели после вспашки, подготавливаемые для посева озимых — про все эти виды работ Вовка узнал за каникулы. Теперь-то он мог многое рассказать своим норильским друзьям и одноклассникам и про прополку грядок в огороде, и про сенокос, и про разнотравье за рекой, про поля засеянные горохом и кукурузой, про рыбалку и деревенскую жизнь, про то, как они стреляли воробьев и лазали по ярам, добывая птичьи яйца из гнезд. Оказывается, много чего они сделали этим летом, а вначале Вовке думалось, что и рассказать-то будет нечего, а вот поглазев в окно на бескрайние поля до горизонта, он понял: «Лето-то не зря прошло! Оно, конечно, некоторые норильские пацаны отдыхали в пионерских лагерях, ну а кто-то и в деревнях у родственников, и узнали о деревенской жизни не меньше его. Все равно каждый по-своему провел эти каникулы, пусть даже и в деревне, но они не могли быть одинаковыми — деревни-то разные, поэтому им будет, чем поделиться друг с другом».

Автобус въезжал в Барнаул. За все лето они были в нем два раза в гостях у родственников. Немного походили по городу, в парке побывали, покатались на каруселях, мороженное ели, но Вовке не очень понравилось — не было той свободы как в деревне, да и жарко было от асфальта и душно в автобусах. В трамвае понравилось. Там было посвободнее, да и сам по себе трамвай напоминал короткий поезд: колеса красиво и бойко перестукивали на стыках рельсов, чуть скрежетали на поворотах, как бы выражая легкое недовольство, вагон слегка приятно покачивался, и еще было в этом трамвае, что-то такое — интересное и труднообъяснимое для Вовкиного понимания. По сравнению с Норильском город был больше размером и с большим количеством частных домов, как в деревне, родственники тоже жили в своем доме. Переулочки и улочки там были узкие, а дома стояли близко друг к другу, поэтому эта «деревня в городе» не казалась уютной, и оттого Вовке было трудно представить размеры самого города, не говоря о том, чтобы обойти его пешком — и недели не хватит! То ли дело в Норильске — за один день он с друзьями обходил все улицы, и они даже не уставали. Ну, конечно, старый город в эти походы не входил.

Вскоре показался железнодорожный вокзал.

Разместившись в своем купе и разложив по местам вещи, семейство сидело в ожидании отправки поезда.

По вагону, так же как и в Красноярске, ходили лотошницы. От лотков пахло вкусными пирожками. Но родители ничего не покупали: в продуктовой сумке лежали свои, домашние пирожки с ягодой, картошкой и два больших пирога с рыбой, банка с солониной и кастрюля с рассыпчатой картошкой.

Уже завтра вечером они будут в Норильске.

Вовка уже представлял себе, как он сразу же оббежит своих друзей...

Поезд дернулся раз, другой и перрон с вокзалом медленно стали удаляться.

Вовка молча смотрел на меняющиеся пейзажи и говорил про себя: «До свидания, Алтай! До свидания, деревня и друзья! На следующий год я обязательно приеду снова!»

(события 1967 года)